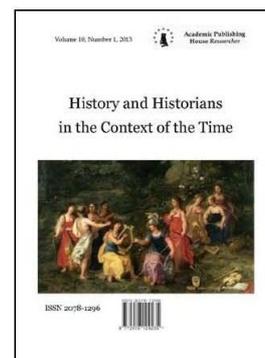

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.
E-ISSN: 2310-6239
2018, 16(1): 49-62

DOI: 10.13187/hhct.2018.1.49
www.ejournal3.com

Representations of the Cossack in «Pictures of the Last of the Quiet Don»: the Apotheosis of the «Cossack Warrior»

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

This work is devoted to analyze "Pictures of the last of the Quiet Don" by P.N. Krasnov (1909). In this book, the author creates an ideal image of the Cossack as a "valiant cavalry warrior". He does not consider either the Cossacks Class or the possibility of reforming it. P.N. Krasnov argues that Cossacks should adhere to the "great covenants" and "fine examples" of their ancestors to solve all problems. These covenants are reduced to two principles: the principle of unconditional submission to the authorities and principle of priority of military service. P.N. Krasnov believed that the Cossacks, which did not comply with these two principles, had no right to be considered true Cossacks. This ideology was primitive, but it corresponded to the government policy of 1900, and therefore the book of P.N. Krasnov was released under the auspices of the Don Ataman A.V. Samsonov.

Keywords: Representations of the Cossack, representations of the Cossacks class, government policy towards the Cossack Hosts, P.N. Krasnov, «Pictures of the last of the Quiet Don».

1. Введение

К 1900 г. все сильнее и ярче проявлялся упадок военных традиций большинства казачьих войск. Сами казачьи офицеры к этому времени осознали эту проблему и искали способы ее решения (Матвеев, 2011: 237). Некоторые гражданские лица высказывались жестче и откровеннее: так, известный донской общественный деятель В.Я. Бирюков доказывал, что сам «дух казачества» постепенно угасает (Бирюков, 1899: 12-13). Более того, В.Я. Бирюков считал этот процесс необратимым (Бирюков, 1899: 10). Многие люди старшего поколения, в 1860 г. убежденно выступавшие против идей Военного Министерства о необходимости постепенной демилитаризации донского казачества, к 1900 г. поменяли свое мнение. А.А. Карасев констатировал по этому поводу: «Из прежних казакоманов мало осталось в живых, только одна тогдашняя молодежь, теперь в стариков обратившаяся... Ей теперь немного стыдно, что она ратовала за неотменимость старых устоев казачьего существования, за закрепощение казака, теперь так тяжело на нем отзывавшееся; одним утешением ей может служить то, что она хотя и ошибалась, но ошибалась искренне, не имея никаких личных целей, задних мыслей» (Карасев, 1900: 173). Таким образом, к началу 1900 г. как минимум часть казаков только приветствовала бы демилитаризацию своего сословия,

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

постепенное правовое уравнивание казачества с остальным населением Российской империи. Да и простые станичники, едва ли задумывавшиеся о таких сложных вопросах, часто не демонстрировали должного желания при выходе на службу. Число неисправных новобранцев все росло, и, чтобы решить эту проблему, местные власти прибегали ко все более строгим наказаниям, вплоть до публичного унижения: например, в станице Аннинской казакам, снарядившимся на службу самостоятельно, было приказано плевать в глаза своим неисправным товарищам (Протоколы..., 1899: 119).

В этих условиях Военное Министерство пошло на невообразимые прежде уступки, лишь бы только сохранить казачество как военную силу и при этом не проводить его системных реформ. В 1875 г. Д.А. Милютин писал: «Расширять и регламентировать пособия (казакам при выходе на службу – А.П.) – значило бы явно идти к отмене существующего ныне порядка отбывания службы казаками, который держится крепко до тех пор, пока каждый казак считает для себя невыгодным и предосудительным снаряжаться на службу на чужой счет. Раз это основание будет поколеблено в принципе, и обязанности, лежащие ныне на каждом казаке, будут перенесены на станичные общества и войско – придется перестроить совершенно всю систему отбывания воинской повинности казаками» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 8-80б). Даже оставляя в стороне «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года», в соответствии с которым неисправные казаки выставлялись на службу за счет станичных сумм в долг (Положение..., 1891: 47-48), мы можем констатировать, что не прошло и тридцати лет, как Военное Министерство нарушило сформулированный Д.А. Милутиным принцип. В 1900 г., после того, как специально созданная для исследования экономического положения казачьих хозяйств комиссия под руководством бывшего оренбургского атамана Н.А. Маслаковца констатировала факт стремительного обеднения донского казачества (Маслаковец, 1899а: 11), было принято решение выделять каждому казаку безвозмездно при снаряжении на службу 100 руб. на покупку лошади (Краснов, 1909: 484). Тем не менее, даже в том случае, если казак выходил на службу со всем снаряжением, он далеко не всегда демонстрировал должные боевые качества. И Военное Министерство в этих условиях использовало весьма экзотические средства для возрождения боевых традиций казачества: например, местным властям рекомендовалось проводить в станицах «малые маневры» с участием детей, чтобы обеспечить их «боевое развитие» (Матвеев, 2011: 237).

Именно в этих условиях и вышла книга «Картины былого Тихого Дона», на обложке и форзаце первого издания которой даже не было фамилии автора, зато стояло: «печатано по распоряжению Войскового Наказного атамана Войска Донского генерал-лейтенанта Самсонова» (Краснов, 1909: форзац). Таким образом, мы имеем дело с работой, которая официально отражала позицию донских войсковых властей. Она не претендовала на роль научного исследования, но позиционировалась как «очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях» (Краснов, 1909: форзац). Фактически, с ее помощью предполагалось сформировать определенный образ казака у самих казаков, внушать на основании исторических примеров рядовой массе станичников четко определенные ценности. В своей статье мы попытаемся понять, в чем же именно заключались эти ценности. Особое же внимание мы уделим тому, как в «Картинах былого Тихого Дона» соотносились военные и гражданские функции казаков. В официальных исследованиях 1860 гг. отмечалось, что казаку трудно одновременно быть и «воином», и «гражданином», и чем лучше он справляется с одной ролью, тем хуже ему дается другая (Краснов, 1864: 229; Краснов, 1870: XIII). В 1880 г. в официозе получила распространение иная точка зрения, согласно которой казаки были «воинами-гражданами», умеющими эффективно совмещать и военные, и гражданские занятия (Номикосов, 1884: 301). Какой же позиции по этому вопросу придерживались власти в 1900 г., когда кризис казачества намечался все сильнее?

2. Материалы и методы

Помимо самих «Картин былого Тихого Дона» (Краснов, 1909) важнейшим источником для нашего исследования будут материалы упомянутой комиссии Н.А. Маслаковца, содержащие подробную картину реальной жизни донского казачества накануне XX в. Значительная часть этих материалов была опубликована еще в 1899 г. (Бирюков, 1899;

Донецкий, 1899; Маслаковец, 1899а; Маслаковец, 1899b), однако мы будем использовать так же тексты, хранящиеся в фонде Н.А. Маслаковца в отделе рукописей Российской национальной библиотеке. На основании этих источников, используя историко-сравнительный метод, мы проследим, как в «Картинах бывшего Тихого Дона» искажался реальный образ казака. Кроме того, мы будем использовать историко-биографический метод, чтобы показать, почему автор интересующей нас книги, П.Н. Краснов, совершал такое искажение.

3. Обсуждение

«Быть Донским казаком! Какое великое это счастье! Но для этого мало родиться на Дону от Донского казака и казачки – нужно еще и стать донским казаком, стать *лихим конным воином* (курсив автора – А.П.)» (Краснов, 1909: 521). Эти слова стояли в заключении «Картин бывшего Тихого Дона», фактически представляя собой вывод из всей книги. Подобная неприкрытая ангажированность, пропаганда образа «казака-воина», вкупе с ориентацией на широкую публику обеспечили интересующей нас книге долгую жизнь. «Картины бывшего Тихого Дона» и ныне используются в военно-воспитательных целях: в 2012 г. в газете «Воздвижение», позиционирующей себя в качестве издания «Крестовоздвиженского казачьего братства Санкт-Петербурга», был опубликован отзыв на них, принадлежащий одиннадцатилетнему школьнику. Судя по этому отзыву, автор «Картин» вполне добился цели навязать читателю представление о чисто военном назначении казачества. Приведем несколько отрывков, наглядно демонстрирующих впечатления ребенка от прочитанной им книги. «Все знают про храбрость казаков, но, прочитав речь Ермака к донцам, начинаешь понимать, что до этого просто думал – «Храбрые казаки, и все, ничего такого особенного» и полностью не понимал их отваги» (Кривовичев, 2012: 9). «Казаки – это рыцари Христа, и, разумеется, перед боем они молились, что помогло им победить татар» (Кривовичев, 2012: 9). «Враги уже боялись казаков. Казаки же, в свою очередь, были уверены в победе и уповали на Господа» (Кривовичев, 2012: 9). Таким образом, если в работах Н.И. Краснова 1860 гг. казаку предлагалось выбирать между ролями «гражданина» и «воина», как одинаково необходимыми государству (Краснов, 1864: 229; Краснов, 1870: XIII), если в 1880 гг. С.Ф. Номикосов доказывал, что каждый казак способен играть обе эти роли одновременно (Номикосов, 1884: 301), то в 1900 г. в правительственном официозе роль «казака-гражданина» была фактически забыта, зато откровенно пропагандировалась роль «казака-воина».

Отметим еще один важный факт. А.В. Самсонов занимал должность донского атамана всего около двух лет, за которые ничем особенным себя не проявил (хотя и показал себя сторонником консервативного политического направления) (Петровский, 1916: 28). Зато не поставивший своего имени на обложке автор «Картин бывшего Тихого Дона», П.Н. Краснов, является, возможно, наиболее известным анти-героем для большинства и героем для меньшинства российского общества из всех донских казаков XX в. В 1909 г. ему было еще только сорок лет, и он не был даже генералом, но уже стяжал определенную известность своей литературной деятельностью. Если его отец, Н.И. Краснов, в начале 1860 гг., защищая проправительственный негативный образ казачества, стал для донских консерваторов абсолютной персоной нон-грата, то П.Н. Краснов, напротив, пользовался авторитетом и признанием в близких к войсковой администрации правых кругах Дона. Б.С. Корниенко, крупный специалист по донскому национализму, обращает внимание на тот факт, что в конце 1900 гг. многие статьи П.Н. Краснова в столичной периодике затем перепечатывались официальным органом войсковых властей, «Донскими войсковыми ведомостями», а их редактор Х.И. Попов давал офицеру следующую характеристику: «Хорошо осведомленный в тех вопросах, которые за последнее время все чаще и чаще зарождаются, хотя и в северном Петербурге, но тепло и бесспорно в интересах казачества, П.Н. Краснов, истый, до мозга костей, казак, чутко отзываясь на них со всем пылом казачьей крови» (Корниенко, 2013: 83).

Причины этой любви донских консерваторов к правому публицисту нужно искать в его идеологических взглядах. С созданием Государственной Думы войсковые власти и правые общественные деятели столкнулись с необъяснимым, на их взгляд, фактом: донское казачество, при всей верности императору, на каждых выборах демонстрировало поддержку не проправительственных сил, но либеральной оппозиции. Так, в 1912 г. в

IV Государственную Думу от Области Войска Донского было избрано 3 октябриста, 5 кадетов, 1 мирнообновленец, 3 «левых» и ни одного представителя крайне правых партий (Корниенко, 2013: 65). Более того, многие уважаемые на Дону общественные деятели старшего поколения после 1905 г. начали открыто поддерживать оппозицию. Так, одним из активнейших участников комиссии Н.А. Маслаковца был А.А. Донецкий, избранный в нее в 1898 г. депутатом от станичных обществ Черкасского округа (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 30б). Нужно сказать, что уже тогда он демонстрировал крайне неприятное для консервативного председателя комиссии направление: особое возмущение у Н.А. Маслаковца вызвало предложение депутата выносить новые законоположения о казачестве для обсуждения донским дворянским собранием, чтобы получить их оценку от самих казаков (Маслаковец, 1899б: 10). Став после 1905 г. выборным членом Государственного совета (Деятели..., 1906: 24), А.А. Донецкий крайне критично относился к деятельности донской администрации и поддерживающих ее консерваторов. В правых кругах особое недовольство вызвали его слова, якобы сказанные в ответ на заявление наиболее консервативного из донских атаманов начала XX в., Ф.Ф. Таубе. Этот атаман, всячески демонстрировавший свой традиционализм, заявил однажды публично, что девизом его политики будет фраза «Дон – для донцов». Как утверждали в националистических газетах, узнав об этих словах немца-атамана, не имевшего до своего назначения в Новоросска никакого отношения к казачеству, природный казак А.А. Донецкий заочно ответил на них: «Таубе объявляет себя большим казаком, чем мы, депутаты!» (Корниенко, 2013: 98). Более того, А.А. Донецкий и другие депутаты от Дона, избранные в Государственную Думу и Государственный Совет, откровенно противостояли политике консервативного атамана, жалуюсь на нее лично П.А. Столыпину (Корниенко, 2013: 83). Эволюция деятельности А.А. Донецкого, который до 1905 г. безуспешно пытался убедить Военное Министерство максимально облегчить казачью службу (Донецкий, 1899: 1-10), а после 1905 г. примкнул к либеральной оппозиции, хорошо объясняет причину феномена популярности левых в казачьей среде. Власти и провластные силы в начале XX в. отказывались начать серьезные реформы казачества, оставляя нерешенными даже наиболее очевидные его проблемы. А недовольные этим донские общественные деятели и простые казаки постепенно склонились к поддержке оппозиционных партий. И избранные от Дона левые депутаты требовали реформировать, наконец, донское казачество, доказывали, что «военный Дон» уже разрушен, и осталось только законодательно закрепить это (Корниенко, 2013: 100).

Однако подобное объяснение популярности левых среди донского казачества, фактически возлагающее ответственность за эту популярность на войсковые и имперские власти, а так же поддерживающих их консерваторов, категорически не устраивало правые силы. Уже упомянутый нами Х.И. Попов писал: «Депутаты эти (в Государственную Думу – А.П.) избраны удивительнейшим образом, они будто бы подсунуты какой-то неведомой сверхъестественной силой; главная коренная масса населения их не избирала и не могла даже допустить мысли об их избрании» (Корниенко, 2013: 100). А у П.Н. Краснова были ответы и на то, почему в Государственной Думе Дон представляют либералы, и на то, что делать с этим дальше, причем эти ответы в высшей степени устраивали как войсковые власти, так и поддерживающие их консервативные круги.

Вот что писал офицер в своей статье с характерным названием «Непрошенные радители»: «Цвет донского образованного общества весь на военной службе, и, поэтому, не имеет права ни быть избирателями, ни быть избираемыми; на Дону остались как таковые лишь лица свободных профессий, давно утратившие всякую связь с казаками» (Корниенко, 2013: 97). Соответственно, уже в силу самой специфики Области Войска Донского то характерное для демократических государств устройство, при котором в парламент от всего края выбиралось несколько депутатов, не могло здесь эффективно работать. П.Н. Краснов был сторонником совершенно иной системы государственного устройства, по сути авторитарной: он считал нужным расширить и без того более чем обширные полномочия исполнительной власти на Дону, и сделать атамана, как «доверенное лица Государя Императора», единоличным начальником края (Корниенко, 2013: 100). Что касается представительных органов, офицер считал их идеалом специфические войсковое совещательное собрание и войсковой земельный совет, созданные как раз при Ф.Ф. Таубе.

В эти органы депутаты избирались на станичных сборах, и обычно ими становились сами станичные атаманы. В итоге члены войскового совещательного собрания и войскового земельного совета демонстрировали взгляды, полностью соответствующие представлениям консерваторов о идеологии донских казаков, и среди них не было даже намека на оппозицию (Корниенко, 2013: 86, 93). Б.С. Корниенко сомневается в том, насколько подобная ультраконсервативная позиция, противоречащая результатам выборов в Государственную Думу, отражала реальные настроения казачества (Корниенко, 2013: 85). На наш взгляд, результаты выборов на станичных сборах были абсолютно нерепрезентативны. Еще в 1899 г. члены комиссии Н.А. Маслоковца отмечали, что эти сборы давно потеряли всякое подобие демократичности, и, если давалось негласное распоряжение обеспечить определенный результат их голосования, станичные атаманы добивались этого безо всяких проблем. А.А. Донецкий жаловался, что их депутаты «принимают к исполнению, как обязательный закон, волю своих заправил (станичной администрации – А.П.)» (Протоколы..., 1899: 133). Ничего удивительного в этом донской общественный деятель не усматривал, поскольку «выборными на станичных сборах часто являются должники станичных обществ. Конечно, эти выборные в большинстве случаев на сборах голосами своими поддерживают требования станичных правителей, и те меры, на необходимости коих последние настаивают. Идти, в согласии с внутренним убеждением, против желаний станичных правителей должники-выборные не смеют, ибо из опыта знают, как страшен гнев станичных властей, могущих во всякое время потребовать от них немедленной уплаты долгов и, в случае неисполнения этого требования, с молотка и за бесценок продать принадлежащее им имущество» (Протоколы..., 1899: 133-134). Другой член комиссии Н.А. Маслоковца, В.Я. Бирюков, (напомним, впоследствии член Учредительного собрания (Волвенко, 2017: 150), отзывался о станичных сборах еще жестче. По его сведениям, противники атаманов могли прямо со сбора попасть в станичную тюрьму, из-за чего «апатия станичников к общественным делам дошла до того, что более порядочные, дельные и развитые домохозяева стали избегать звания десятидворного» (Протоколы..., 1899: 119).

Однако для консерваторов, включая Х.И. Попова и П.Н. Краснова, именно поддержка, оказываемая войсковым совещательным собранием и войсковым земельным советом всем «правильным» предложениям администрации, превращала данные органы в своеобразный идеал народного представительства. Б.С. Корниенко с иронией пишет о том, что П.Н. Краснов, не бывший на Дону во время деятельности первого из этих органов, тем не менее дал в своих статьях его яркое художественное описание (Корниенко, 2013: 93). Мы приведем это описание целиком, поскольку оно, на наш взгляд, характеризует не только реальных казаков, сколько важное для наших дальнейших рассуждений представление П.Н. Краснова о образе идеального казака. «Собрались люди старые, умудренные житейским опытом, выдавшие много на своем веку. Тут были уважаемые почетные граждане, *старые войсковые старшины, после тяжелой строевой службы осевшие на землю*, и вместе с казаками хуторянами живущие одной жизнью, *были подъясаулы, были вахмистры, были урядники, были простые казаки*. В просторной зале областного правления виднелись широкие лица, обросшие окладистыми бородами, видны были казачьи прически, и *мундир с галуном преобладал над штатским сюртуком* (курсив наш – А.П.)» (Корниенко, 2013: 93). Оставалось добиться, чтобы как можно больше станичников соответствовали подобному патриархально-воинственному образу казака, и казак-воин, служащий начальству, окончательно возобладал над непокорным казаком-гражданином. А для этого, по мнению П.Н. Краснова, следовало «воспитывать и образовывать молодежь в особом казачьем духе» (Корниенко, 2013: 100-101). И его «Картины былого Тихого Дона» были предназначены как раз для этой цели. Таким образом, «Картины былого Тихого Дона» были рождены в результате совпадения идей их автора с актуальной государственной политикой по отношению к казачьим войскам, направленной на милитаризацию казачества.

Чтобы добиться «воспитания молодежи в особом казачьем духе», П.Н. Краснов далеко отошел от объективности. Он апеллировал не к логике читателя, но к его чувствам, без всякого зазрения совести вставляя собственные мысли в речь знаковых для истории казачества персонажей или рисуя художественные и образные, но бездоказательные картины. Мы уже приводили отзыв на книгу П.Н. Краснова, написанный современным

школьником. И показательно, что для его автора решающим доводом в пользу того, что для казаков была характерна совершенно особая, не типичная для других людей храбрость, стала... выдуманная от первого до последнего слова речь Ермака, к тому же, поданная в таком антураже, который больше пристал бы историческому роману, чем научной книге. «Ермак поднял курчавую голову. Из-под снятого шлема черными змеями рассыпались кудри, ярко блеснул белый лоб над загорелым лицом; глаза горели решимостью, удалью... и восторгом. Предстоящий кровавый бой радовал донца-атамана! <...>».

- Вернуться домой на тихий Дон и что сказать? Вернуться без славы! Нас спросят дома старики, нас спросят жены и дети: «Вот вы пропадали два года за Волгой, что сделали вы?». Что ж, атаманы-молодцы, решайте: идти нам со срамом домой, чтобы жены смеялись над нами, что бы родители прокляли нас и не было нам никогда от них благословения, или вернуться после победы покорителями царства Сибирского!?» (Кривовичев, 2012: 9). Причем содержание этого фантастического отрывка было очень актуально для 1900 гг., когда, как мы писали выше, военные власти активно применяли к казакам позорящие наказания, вплоть до публичного унижения за неисправное несение военной службы (Протоколы..., 1899: 119). В этом был свой глубокий смысл: еще в 1870 гг. атаман Н.А. Краснокутский жаловался, что к неисправным казакам относятся в станицах без прежнего презрения, а это затрудняет борьбу со станичниками, нежелающими снаряжаться на службу за свой счет (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1434. Л. 1-8). И П.Н. Краснов пытался внушить казакам, что для них быть посредственными воинами, «возвращаться домой без славы», просто постыдно. А, чтобы придать своим мыслям веса, он заставил повторять их едва ли не всех славных казаков прежних лет.

Обратимся теперь снова к заключению «Картин былого Тихого Дона», в котором П.Н. Краснов ярко и лаконично описывал характерный для него образ казака. Выдвинув тезис о том, что быть казаком значит «быть лихим конным воином», П.Н. Краснов вместо его доказательства довольно эмоционально сослался на «великие заветы, которыми наши деды провозжали в жизнь отцов наших» (Краснов, 1909: 521). Тут было бы уместно отметить, что для донского офицера в принципе не был важен образ казачества, в его книге почти нет информации о казачестве как сословии и о путях будущего развития Донского Войска. П.Н. Краснов только утверждал, что, если казаки в полной мере будут следовать консервативной парадигме, будут верно служить «Престолу и Отечеству» в российской армии, то все казачьи проблемы как-то разрешатся сами собой. Вот дословная формулировка этой мысли: «И теперь могуч и силен Тихий Дон, славные полки его – украшение доблестной конницы русской. Нам, сыновьям Дона, нам, дочерям его, донским казачкам, надлежит только следовать прекрасным образцам, которые оставили нам наши деды и отцы, и им подражать» (Краснов, 1909: 520). П.Н. Краснов даже не рассматривал того варианта, что приводимые им дальше в качестве примера «великих заветов» и «прекрасных образцов» цитаты из Я.П. Бакланова, М.И. Платова и «отца атамана Платова» могли несколько устареть за прошедшие десятилетия.

Смысловое наполнение этих цитат с завидным постоянством варьировало две основные мысли, о важности которых для П.Н. Краснова и донских консерваторов мы уже писали: во-первых, что донской казак есть воин по преимуществу, и, во-вторых, что он должен быть во всем покорен начальству. Отец М.И. Платова в интерпретации П.Н. Краснова совершенно прямо заявлял: «Служи Государю и Тихому Дону примерно. <...>. Слушай начальников» (Краснов, 1909: 521). Сам знаменитый атаман 1812 г. оказался нужен для подтверждения сентенции П.Н. Краснова, согласно которой «с малых лет готовился казак быть воином, учили его этому отец и дед, и мать и бабка, повторяя святые слова молитвы, говорили мальчику-казаку о славе донской, пели славные песни донские. И не мог донец во всю жизнь забывать своего военного дела» (Краснов, 1909: 521). Далее следовала цитата из М.И. Платова, якобы требовавшего «чтобы казак ни на минуту не забывал о том, что он воин прежде всего», как бездоказательно утверждал автор книги (Краснов, 1909: 521): «Мы не рождены ходить по паркетам, да сидеть на бархатных подушках; там вовсе можно забыть родное ремесло. Наше дело ходить по полю, по болотам, а сидеть в шалашах или, еще лучше, под открытым небом, чтобы и зной солнечный, и всякая непогода не были нам в тягость. Так и будешь всегда донским казаком. Всякое дело тогда и хорошо, пока всегда с ним, а то ты от него на вершок, а оно от тебя на аршин, и так и

пойдете вы врозь: хорош будет толк» (Краснов, 1909: 521-522). Таким образом, выходило, что лично знаменитый «вихорь-атаман» требовал от казаков начала XX в. заниматься в первую очередь, если не исключительно, военной службой, не отступая от нее даже «на вершок». Схожие идеи развивали и слова Я.П. Бакланова: «О храбрости казака заботиться не надо, потому что донскому казаку нельзя не быть храбрым, но надо, чтобы этот казак смыслил что-нибудь и побольше одной только храбрости... Все заметь, ничего не моги проглядеть, а тебя чтобы никто не видел. – Покажи врагу, что думка твоя не о жизни, а о чести и славе донского казачества» (Краснов, 1909: 521).

Специфика работы П.Н. Краснова с цитатами заключалась, во-первых, в их выборе. При желании офицер мог привести важные и знаковые с исторической точки зрения сентенции, развивающие совершенно иные идеи. Так, в заключение «Картин бывшего Тихого Дона» не попала цитата, которую А.А. Волвенко считает знаковой для «дискурса, иллюстрирующего миф о «царе и казаках», и часто встречающаяся в других книгах, ориентированных на казачьего читателя (Волвенко, 2017: 127). Речь идет о словах, сказанных Николаем I при поседении Новочеркасской гимназии, то есть гражданского учебного заведения: «учитесь, дети, хорошенько. Мне хотелось бы, чтобы выучившись, многие из вас дослужились до больших чинов и были бы у меня Начальниками Штабов, Главнокомандующими, Сенаторами, Министрами» (Волвенко, 2017: 127). И это не случайно: данная фраза подразумевала возможность для казака реализовать себя не только на военном, но и на гражданском поприще, в качестве «сенатора и министра», что полностью расстраивало систему рассуждений П.Н. Краснова. Во-вторых, П.Н. Краснов не гнушался «конструировать» и вырывать из контекста слова великих донцов. Так, «цитату» Я.П. Бакланова он составил из целого ряда его отдельных фраз, приведенных в соответствующей главе «Картин бывшего Тихого Дона». И при ближайшем рассмотрении эти фразы оказываются не некими «великими заветами» всему казачеству, но совершенно четкими указаниями подчиненным, связанными со службой на Кавказе. Так, фраза «О храбрости казака заботиться не надо, потому что донскому казаку нельзя не быть храбрым, но надо, чтобы этот казак смыслил что-нибудь и побольше одной только храбрости» была сказана Я.П. Баклановым офицерам, чтобы подстегнуть их в обучении рядовых казаков баклановского полка (Краснов, 1909: 396). «Все заметь, ничего не моги проглядеть, а тебя чтобы никто не видел» было наставлением героя Кавказа к несущим разведывательную службу разъездам (Краснов, 1909: 396), а «Покажи врагу, что думка твоя не о жизни, а о чести и славе донского казачества» представляло собой попытку воодушевить казаков и внушить им мысль, что в бою даже легко раненные и потерявшие лошадь не должны пытаться отступать (Краснов, 1909: 396). Цитата из М.И. Платова, хотя и была цельной, так же оказалась вырвана из контекста, причем не имеющего прямого отношения к военной службе: она представляла собой реакцию атамана на то, что многие донцы начали увлекаться предметами роскоши (Краснов, 1909: 347-348). Безусловно, можно связать недовольство М.И. Платова в том числе и с тем, что он хотел, чтобы казаки вели спартанский, близкий к военному, образ жизни. Однако в самой цитате этого не сказано, и без изъятия из контекста и создающей атмосферу реплики П.Н. Краснова о том, что покойный атаман требовал, «чтобы казак ни на минуту не забывал о том, что он воин прежде всего» (Краснов, 1909: 521) она воспринималась бы совершенно иначе. Кстати, в действительности М.И. Платов если и считал военную службу наиболее подходящим занятием для казака, то умел подойти к данному вопросу с должной гибкостью: в частности, он покровительствовал А.Г. Попову, природному донцу, занимавшему должность директора в новочеркасской гимназии (Артинский, 1907: 3-15). Таким образом, П.Н. Краснов предложил в качестве «прекрасных образцов» предков совершенно произвольный, частично сфальсифицированный им самим набор цитат, которые зато были образными, яркими, хорошо запоминались и могли при некоторой ловкости рук служить доказательством идей самого донского консерватора.

Зато, приведя все эти цитаты, П.Н. Краснов весьма артистично отвечал на них от лица всего современного казачества: «Мы, молодые донцы, твердо будем помнить эти великие, святые заветы наших старых великих учителей Платова и Бакланова, вдумчиво проследим картины бывшего Тихого Дона и найдем в них высокие примеры, достойные подражания. Слава Тихого Дона, глубокая вера в Господа Бога и Его милосердие, беспредельная

преданность Государю, горячая любовь к нашей матери-России и воинская доблесть – вот то, к чему должны мы стремиться всеми силами, не щадя ни жизни, ни имущества своего!...» (Краснов, 1909: 522). Как мы видим, П.Н. Краснов не столько пытался описать реальных казаков, сколько дать читателю идеальный и императивный образ «правильного казака», тот образ, к которому он обещал «стремиться» от лица «молодых донцов». А в других главах этот образ, важнейшими чертами которого были любовь к военному делу и начальству, применялся к конкретным историческим ситуациям, причем несоответствующим ему казакам отказывалось в моральном праве относить себя к казачьему сословию.

Впрочем, по мнению П.Н. Краснова, до конца 1870 гг. разделения на «правильных» и «неправильных» казаков еще не было, поскольку почти все казаки были «правильными». Однако с этого десятилетия «среди степенных, достойных казаков, свято чтивших старые боевые казачьи традиции и обряды, гордившихся честным званием казака и бережно хранивших войсковой мундир, по станицам стали появляться пьяницы-пиджачники, променявшие военную одежду дедов на немецкий пиджак» (Краснов, 1909: 476-478). Особое возмущение у П.Н. Краснова вызывал тот факт, что с этого времени на Дону начали пользоваться популярностью песни о тоске казаков при уходе на службу (Краснов, 1909: 478). Отметим, что избранные от станиц депутаты в комиссию Н.А. Маслаковца признавали, что служба вызывает у казаков все меньше радости, но совершенно иначе относились к этому факту. В.Я. Бирюков, резюмируя все сказанное ими по этому поводу, задавал вполне логичный вопрос: «Может ли быть человек удалым, когда знает, что дома осталась жена, маленькие дети, старуха мать чуть без куска хлеба!?» (Бирюков, 1899: 12-13). А подобные ситуации нищеты семьи ушедшего на службу казака далеко не были редкостью. Выше мы приводили цитату из письма А.А. Чигринцева, в котором даже скептически относящийся к казачьему большинству комиссии Н.А. Маслаковца новочеркасский прокурор признавал, что «поголовная воинская повинность совершенно разоряет казака и ставит его семью в чрезвычайно тяжелое положение» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 1206-13). Однако П.Н. Краснова эти объективные причины грусти казаков при уходе на службу не волновали: он сводил все к противостоянию «правильных» традиционных казаков-воинов, и «неправильных» «пьяниц-пиджачников», отвернувшихся от традиций предков.

Поскольку идеальные, традиционные казаки П.Н. Краснова не только безропотно несли военную службу, но и в мирной жизни были покорны начальству, офицер полностью одобрял ту ситуацию, которая сложилась вокруг утративших прежнюю демократичность станичных сборов. По его мнению, именно «пиджачники, пропившие казачье звание» делали невозможным их нормальное функционирование на прежних, свободных основаниях. Эти люди «стариков не слушали», и в результате «вместо голосов разумных казаков, слышались крики толпы» (Краснов, 1909: 478). А, поскольку сборы, в представлении офицера, были предназначены не для «пустых речей и слов», а для того, чтобы «делать дело», нужно было их реформировать, устанавливая более соответствующий пожеланиям начальства характер (Краснов, 1909: 478). Таким образом, и в этом сюжете П.Н. Краснов, даже не касаясь причин нежелания части казаков поддерживать распоряжения сверху, просто объявил их «неправильными».

В соответствии с тем же принципом обязательной поддержки начальства П.Н. Краснов трактовал и феномен казачьего либерализма. Уже сама лексика офицера должна была вызвать у читателя презрение к оппозиции: «К сожалению, и на Дону нашлось несколько презренных людей, которые смущали молодежь донскую и она волновалась. По евангельскому изречению, лучше было бы для них, если бы им навесили жернов на шею и потопили в морской пучине, чем совращать детей, как делали они...» (Краснов, 1909: 515). Казаки же, в период первой русской революции подавлявшие народные восстания, наоборот, позиционировались не просто как люди, исполнившие свой долг, но вписывались с историей как истинные наследники донских героев прежних лет. «Не раз донские казаки отстаивали Россию от врагов внешних и внутренних; давно ли, в 1855 году все войско поднялось на турок; при Петре казаки усмиряли Астраханцев и Булавина, они боролись при Екатерине и против Пугачева – теперь Царь призвал их на защиту русских людей и русского дела от бунтовщиков, под флагом свободы желавших позора и неволи России» (Краснов, 1909: 516).

Хотя казачество как сословие мало волновало П.Н. Краснова, с точки зрения интересующей нас проблематики есть смысл остановиться на том, как он трактовал его экономический упадок, поскольку в работах его предшественников, Н.И. Краснова и С.Ф. Номикосова, проблемы казачьей экономики занимали центральное место и оказывали большое влияние на представленные в них образы казака. П.Н. Краснов посвятил этим проблемам в прямом смысле этого слова два абзаца. Для сравнения, посещение донского края Александром III в «Картинах бывшего Тихого Дона» описывалось подробно и развернуто, на четыре страницах (Краснов, 1909: 480-483). Мы полностью выпишем интересующую нас часть книги, поскольку в ней едва ли не каждое предложение достойно комментария: «Между тем, народонаселение войска Донского сильно увеличивалось. В некоторых местах явилась земельная теснота. Понадобилась другая обработка земли, больше труда нужно стало вкладывать в землю, чтобы получить тот же доход. Не все казаки умели трудиться... Раз или два хватил по войску неурожай, появился голод. Этого раньше никогда не бывало на Дону. Казаки получали вспомоществование... Эти несчастья отозвались на всем хозяйстве казаков. Все меньше и меньше становилось у казаков доморощенных славных коней, которыми справедливо гордились их отцы и деды. При выходе на службу казаки стали покупать лошадей. Цены на них росли, и казакам стало тяжело снаряжаться на службу.

Государь Император, в непрерывных заботах своих о донских казаках, два раза посылал своих генералов узнавать нужды казаков. Сначала объехал войско Донское генерал-лейтенант Маслаковец, потом, в 1900 году, проехал по войску тогдашний военный министр генерал Куропаткин. По их докладу Государь повелеть соизволил выдавать казакам при снаряжении на службу 100 рублей в пособие на покупку лошади» (Краснов, 1909: 483-484).

Прежде всего, бросается в глаза тот факт, что П.Н. Краснов, изначально вроде бы признав общий экономический упадок казачества, затем попытался свести проблемы казаков при выходе на службу исключительно к дороговизне покупки коня. Между тем, как однозначно доказала комиссия Н.А. Маслаковца, казачья амуниция в принципе стоила крайне дорого, причем значительную ее часть составляли предметы, без которых вполне можно было обойтись (Маслаковец, 1899а: 14-15). Более того, в последние десятилетия XIX в. она сильно подорожала, во многом из-за увеличения числа предметов: если в 1860 г. казак мог без проблем полностью снарядиться на службу и купить коня за 100-120 руб. (Краснов, 1864: 231-235), то к концу 1890 г. одна только амуниция, без лошади, стоила не менее 120 руб. (Протоколы..., 1899: 33). Однако П.Н. Краснов не упомянул о удорожании амуниции и постарался обойти молчанием вопрос о том, насколько тяжело казакам было покупать эту амуницию даже по прежним ценам в условиях, когда их хозяйства постепенно беднели. Он, подобно С.Ф. Номикосову, сделал акцент на неспособности казаков так наладить свои хозяйства, чтобы получать с них, при уменьшении земельных площадей, прежний доход. Однако, если секретарь статистического комитета видел в этом хотя бы «частную проблему», которую следовало решать «частными мерами», то П.Н. Краснов доказывал своему простому читателю, что возникшие сложности, в которых были виноваты сами казаки, «не умеющие трудиться», уже благополучно разрешил «Государь Император».

А данное утверждение никак не соответствовало действительности. Прежде всего, П.Н. Краснов ни словом не упомянул о том, какую роль в облегчении казачьей службы сыграли общественные организации. Между тем Николай II узнал о катастрофическом обеднении казачества из поданного донским дворянским собранием ходатайства, причем войсковые власти выступали против рассмотрения этого ходатайства в принципе, доказывая, что «сделав такой шаг (то есть обратившись к императору – А.П.), дворянство вышло из пределов своей компетенции, присвоив себе право, которого оно не имеет» (Протоколы..., 1899: 132). Любопытно, что примерно через год после выхода книги П.Н. Краснова на Дону возникнет схожая ситуация: донское дворянское собрание и его председатель А.П. Леонов поддержат донских депутатов Государственной Думы и Государственного Совета в их борьбе с консервативным атаманом Ф.Ф. Таубе, а сторонники политики атамана, включая и П.Н. Краснова, будут всячески подчеркивать, что донские дворяне далеко вышли за пределы своих полномочий, противопоставляя себя войсковым властям (Корниенко, 2013: 82-83). Хотя эта ситуация и возникла после написания «Картин бывшего Тихого Дона», мы можем уверенно говорить, что П.Н. Краснов изначально был

противником подобных общественных инициатив, в ходе которых представительные органы вступали в дискуссию с исполнительными, и поэтому приписал идею облегчения экономического пресса казачьей службы лично Николаю II, а не донскому дворянскому собранию.

Кроме того, он ни словом не упомянул и о другом представительном органе, комиссии Н.А. Маслаковца, хотя ее председатель «объехал войско Донское» именно готовясь к созданию этой комиссии и собирая материал для ее работы. Об этом свидетельствуют документы из фонда самого Н.А. Маслаковца, хранящиеся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. С 5 февраля до 5 ноября 1898 г. генерал разрабатывал «Проект работы комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт Войска Донского и для изыскания мер к восстановлению его благосостояния» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 16. Л. 1-8). И именно в это время им была предпринята командировка на Дон, по итогам которой Н.А. Маслаковец подготовил доклад «о результатах обследования экономического и военно-административного положения Донского казачьего войска» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 17. Л. 1). А в Государственном архиве Ростовской области бумаги, собранные генералом во время этой поездки вообще хранятся вместе с бумагами самой комиссии (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3282. Л. 14-230б). Негативное отношение П.Н. Краснова к комиссии Н.А. Маслаковца понятно: в ее состав входили его идейные оппоненты, включая А.А. Донецкого лично (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 30б). Тем не менее, именно эта комиссия рекомендовала «для обеспечения конного состава войсковых строевых частей выдавать из сумм войскового капитала каждому казаку, являющемуся в строй на признанной годной к службе верховой лошади, денежное пособие в виде премии в 100 рублей; казакам же неимущим, являющимся на службу без лошадей, на те же 100 рублей приобретать лошадь по распоряжению войскового начальства» (Маслаковец, 1899а: 116). Таким образом, «выдавать казакам при снаряжении на службу 100 рублей в пособие на покупку лошади», предложил вовсе не «Государь Император», а одна из выборных общественных комиссий, причем в ее состав входило несколько известных либеральных деятелей, неоднократно критиковавшихся донскими консерваторами.

Кроме того, комиссия Н.А. Маслаковца не ограничилась рекомендацией выплачивать казакам пособие при выходе на службу. Ей был предложен целый ряд реформ, которые, хотя и не касались донской экономики напрямую, но должны были ослабить военно-административное давление, постепенно разрушающее казачьи хозяйства ради исправного выхода казаков на службу. Результатом именно этого давления, как писал В.Я. Бирюков, было «саморазорение (казачьих хозяйств – А.П.) на выполнение требований воинского устава» (Протоколы..., 1899: 118). В частности, много внимания было уделено тем самым станичным сборам, на недемократичность которых жаловались члены комиссии в приведенных выше цитатах. Предлагалось запретить станичному атаману председательствовать на сборе, а так же разрешить замену открытого голосования тайным (Маслаковец, 1899а: 113). Но наиболее острый конфликт вызвала идея ввести своеобразный институт неприкосновенности депутатов сборов: подавляющим большинством голосов в комиссии было решено рекомендовать, чтобы «в видах привлечения к деятельности станичного самоуправления лучших и наиболее авторитетных членов станичных обществ», налагать на депутатов сбора административные наказания могли только войсковые, но не окружные и станичные власти (Маслаковец, 1899а: 113). Реализация этого предложения резко изменила бы ситуацию в станичном самоуправлении: станичные атаманы больше не могли бы требовать немедленного взыскания долгов с выступающих против них казаков-должников, чем возмущался А.А. Донецкий (Протоколы..., 1899: 133-134), и, тем более, не могли бы отправлять под арест своих оппонентов как «нарушителей порядка», на что жаловался В.Я. Бирюков (Протоколы..., 1899: 119). Категорически против этого предложения выступали сам Н.А. Маслаковец, статский советник И.М. Попов, статский советник И.М. Жеромский и войсковой старшина Г.Н. Ульянов (Маслаковец, 1899а: 113). Из этих четырех человек трое являлись представителями в комиссии военных властей: сам Н.А. Маслаковец и И.М. Жеромский были делегированы Военным Министерством, а Г.Н. Ульянов – Войсковым Штабом (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 3). Таким образом, члены комиссии не стеснялись возражать представителям не только войсковой, но и имперской администрации, а Н.А. Маслаковец, несмотря на то, что лично придерживался

совершенно иной позиции, добросовестно отразил в своем итоговом докладе мнения как проправительственного меньшинства, так и оппозиционного большинства (Маслаковец, 1899а: 111-112). Подобная борьба мнений казаков и правительственных чиновников внутри комиссии, а так же то, что большая часть ее предложений оказались, в конечном счете, отвергнутыми, никак не укладывались в благостную, почти идиллическую картину взаимоотношений «правильных» казаков и Российской империи, нарисованную П.Н. Красновым. И поэтому он упростил проблематику экономического кризиса казачества до такой степени, что это упрощение обернулось искажением. Зато офицер достиг своей главной цели: экономический кризис объявлялся благополучно разрешенным, и не должен был впредь привлекать внимания читателя.

Впрочем, при всем вышеизложенном, П.Н. Краснов не исключал для казака и возможности реализоваться на гражданском поприще. Им подробно перечислялись те деятели науки и искусства из донских казаков, которые выдвинулись во второй половине XIX в.: его отец, Н.И. Краснов (любопытно, что сын упомянул его не в числе выдающихся донских генералов, но в числе статистиков и писателей), его брат, А.Н. Краснов, его второй брат, Пл.Н. Краснов, упомянутые нами С.Ф. Номикосов, А.А. Карасев и многие другие (Краснов, 1909: 479-480). Однако и здесь П.Н. Краснов весьма своеобразно трактовал имеющийся материал: не сделав какого-либо отдельного вывода по гражданским деятелям Дона, он перешел к перечислению военных, после чего подвел черту всему этому смысловому разделу следующим абзацем: «За Богом молитва, за Царем служба не пропадет, и донцы не закапывали данных им от Бога талантов, но преумножали их и радовали своею службой Государей» (Краснов, 1909: 480). Таким образом, успехи на поприще науки и литературы П.Н. Краснов так же трактовал как казачью службу, пускай и немного необычную. В принципе, примером подобной службы были сами его «Картины былого Тихого Дона», которые, по замыслу как самого их автора, так и войсковых властей, должны были иметь большое военно-воспитательное значение. В этом отношении характерна интерпретация П.Н. Красновым открытия Донского музея в Новочеркасске: он ни словом не упоминал о научном значении этого заведения, зато подчеркивал, что собираемая там «донская старина» была «свидетелем славы казачьей» (Краснов, 1909: 480), то есть способствовала сохранению столь важных для офицера донских традиций. Соответственно, и на гражданском поприще «правильный казак» П.Н. Краснова в каком-то смысле оставался воином, служащим традициям, Дону и Российской империи.

4. Заключение

Нам остается констатировать, что текст «Картин былого Тихого Дона» представляет собой ярчайший образец казачьей ультраконсервативной мысли начала XX в. В нем достигает апогея трактовка образа казака как исключительно «казака-воина». Образ же казачества как сословия П.Н. Красновым или не поднимался вовсе, или обходился буквально за несколько абзацев, а все проблемы выставлялись решенными. Безусловно, идеи о исключительной важности военной составляющей казачества, о роли «казака-воина» развивали и другие консерваторы. Однако, как мы помним, например С.Ф. Номикосов надеялся, что реформы 1860-1870 гг. сумели гармонично соединить в казаках военные и гражданские функции, превратив их в «воинов-граждан» (Номикосов, 1884: 301). Ближе к П.Н. Краснову позиция Н.А. Маслаковца, который в 1902 г. писал о будущем казачества, акцентируя внимание именно на его военной роли: «Какие бы военные усовершенствования не совершились в цивилизованных странах под влиянием могущественной силы технических знаний и изобретательства, вековые традиции и боевая готовность казачьих войск всегда будут являться одним из наиболее веских факторов в стратегических соображениях Военного Министерства по отношению безопасности границ государства и предупреждения неприятельского вторжения в пределы России» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 4. Л. 330б). Однако Н.А. Маслаковец, как видно из его писем в Военное Министерство 1880 гг. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104) и деятельности во главе комиссии, изучавшей экономическое положение казачьих хозяйств, прекрасно понимал важность решения экономических проблем казачьих войск, и придавал их решению приоритетное значение. По П.Н. Краснову же выходило, что для «правильных казаков» важно в первую очередь сохранить боевой дух

и преданность престолу. И, в этом случае, останется «могуч и силен Тихий Дон», и все его сложности разрешатся сами собой.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009.

Литература

[Артинский, 1907](#) – *Артинский И.* Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск, 1907. 469 с.

[Бирюков, 1899](#) – *Бирюков В.Я.* Доклад члена Комиссии В.Я. Бирюкова о влиянии воинской службы донских казаков на их хозяйственный быт. Новочеркасск, 1899. 13 с.

[Волвенко, 2006](#) – *Волвенко А.А.* Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902-1912 гг.) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 115-125.

[Волвенко, 2016](#) – *Волвенко А.А.* «Сведения о посещении в 1837 Г. Войска Донского блаженной памяти Императором Николаем I и наследником цесаревичем, ныне царствующим государем императором»: записка А.П. Чеботарева // *Вестник архивиста*, 2016. № 3. С. 121-134.

[Волвенко, 2017](#) – *Волвенко А.А.* Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

[Деятели..., 1906](#) – Деятели России: 1906 г. СПб.: 1906. 340 с.

[Донецкий, 1899](#) – *Донецкий А.А.* Доклад члена Комиссии А.А. Донецкого по вопросу о причинах обеднения Донского казачьего войска и о мерах к восстановлению его благосостояния. Новочеркасск, 1899. 10 с.

[Карасев, 1900](#) – *Карасев А.А.* Бунт на Дону в 1862–1863 годах // *Исторический вестник*. 1900. № 80. С. 167-174.

[Корниенко, 2013](#) – *Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.

[Краснов, 1864](#) – *Краснов Н.И.* Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб, 1864. 352 с.

[Краснов, 1870](#) – *Краснов Н.И.* Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.

[Краснов, 1909](#) – *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.

[Кривовичев, 2012](#) – *Кривовичев А.* Казаки – рыцари Христа // *Воздвижение*. 2012. № 7. С. 9.

[Маслаковец, 1899а](#) – *Маслаковец Н.А.* О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.

[Маслаковец, 1899б](#) – *Маслаковец Н.А.* Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. 11 с.

[Матвеев, 2011](#) – *Матвеев О.В.* Из исторического и военно-культурного наследия казачества Кубани. Краснодар, 2011. 252 с.

[Номикосов, 1884](#) – *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

[Петровский, 1916](#) – *Петровский А.И.* Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738-1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.

[Положение..., 1891](#) – Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891. 51 с.

Протоколы..., 1899 – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. 289 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

References

Artinsky, 1907 – *Artinsky, I.* (1907). Essay on the history of the Novocherkassk Gymnasium. Novocherkassk. P. 469. [in Russian]

Biryukov, 1899 – *Biryukov, V.Ya.* (1899). Doklad chlena Komissii V.Ya. Biryukova o vliyani voinskoi sluzhby donskikh kazakov na ikh khozyaistvennyi byt [Report of the Commission member V. Ya. Biryukov about the impact of military service of the Don Cossacks to their economic life]. Novocherkassk. P. 13. [in Russian]

Volvenko, 2006 – *Volvenko, A.A.* (2006). Kak donskim kazakam istoriyu khoteli napisat'... Ofitsial'nyi zakaz, istorik i mestnaya administratsiya (1902-1912 gg.) [As for the Don Cossacks, history was written ... Official order, historian and local administration (1902-1912)]. Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka. SPb. pp. 115-125 [in Russian]

Volvenko, 2016 – *Volvenko, A.A.* (2016). «Svedeniya o poseshchenii v 1837 G. Voiska Donskogo blazhennoi pamyati Imperatorom Nikolaem I I naslednikom tsesarevichem, nyne tsarstvuyushchim gosudarem imperatorom» zapiska A.P. Chebotareva [«Details of the Visit of Blessed Memory Emperor Nicholas I and of Tsesarevich and Heir Apparent, Nowadays Reigning Sovereign Emperor, to the Don Cossack Host in 1837»: A Note of A.P. Chebotaryov]. *Vestnik arkhivista*. № 3. pp. 121-134. [in Russian]

Volvenko, 2017 – *Volvenko, A.A.* (2017). Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskiy period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX - beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. P. 226. [in Russian]

GARO – State archive of the Rostov region (GARO).

Deyateli..., 1906 – *Deyateli Rossii: 1906 g.* [The Leaders of Russia: 1906]. SPb.: 1906. P. 340. [in Russian]

Donetskii, 1899 – *Donetskii, A.A.* (1899). Doklad chlena Komissii A.A. Donetskogo po voprosu o prichinakh obedneniya Donskogo kazach'ego voiska i o merakh k vosstanovleniyu ego blagosostoyaniya [Report of the Commission member A.A. Donetskii about the causes of the impoverishment of the Don Cossack Hosts and about measures to restore its prosperity]. Novocherkassk. P. 10. [in Russian]

Karasev, 1900 – *Karasev, A.A.* (1900). Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot on the Don in the 1862-1863]. *Istoricheskii vestnik*. №. 80. pp. 167-174. [in Russian]

Korniyenko, 2013 – *Korniyenko, B.S.* (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologija nacionalizma (1909–1914). [Right Don Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. P. 232. [in Russian]

Krasnov, 1864 – *Krasnov, N.I.* (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 352. [in Russian]

Krasnov, 1870 – *Krasnov, N.I.* (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 290. [in Russian]

Krasnov, 1909 – *Krasnov, P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. P. 522. [in Russian]

Krivovichev, 2012 – *Krivovichev, A.* (2012). Kazaki – rytsari Khrista [Cossacks – the knights of Christ]. *Vozdvizhenie*. № 7. P. 9. [in Russian]

Maslakovets, 1899a – *Maslakovets, N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti voiska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtza 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123 [in Russian]

Maslakovets, 1899b – *Maslakovets, N.A.* (1899). Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Dontsova. [Submitted by the

Chairman of the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Dontsov]. Novocherkassk. P. 11 [in Russian]

[Matveev, 2011](#) – *Matveev, O.V.* (2011). Iz istoricheskogo i voenno-kul'turnogo naslediya kazachestva Kubani [From the historical and military-cultural heritage of the Cossacks of Kuban]. Krasnodar. P. 252. [in Russian]

[Nomikosov, 1884](#) – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 774. [in Russian]

[OR RNB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

[Petrovskij, 1916](#) – *Petrovski, A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremja v goroda Cherkassk, a zatem Novocherkassk dlja upravlenija Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlennym. (1738-1916 gg.). [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novocherkassk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738-1916 gg.)]. Novocherkassk. P. 40. [in Russian]

[Polozhenie..., 1891](#) – Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazach'ikh voisk, Vysochaishe utverzhdennoe 3 iyunya 1891 goda [Regulation of public administration of villages Cossack Hosts, the highest approved June 3, 1891]. Novocherkassk, 1891. P. 51. [in Russian]

[Protokoly..., 1899](#) – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. Without a place, 1899. P. 289 [in Russian].

[RGVIA](#) – Russian state military and historical archive.

Образ казака в «Картинах былого Тихого Дона»: апофеоз «казака-воина»

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящена анализу «Картин былого Тихого Дона» П.Н. Краснова (1909). В этой книге автор создавал идеальный образ казака как «лихого конного воина». Он не рассматривал ни казачество как сословие, ни возможности его реформирования. П.Н. Краснов утверждал, что казакам следует придерживаться «великих заветов» и «прекрасных образцов» своих предков для решения всех проблем. Эти заветы сводились к двум принципам: принципу безоговорочного подчинения начальству и принципу приоритета военной службы. П.Н. Краснов считал, что казаки, не соответствующие этим двум принципам, не имеют права считаться настоящими казаками. При всей ограниченности подобной идеологии, она соответствовала правительственной политике 1900 гг. по отношению к казачьим войскам, и поэтому книга П.Н. Краснова была выпущена под покровительством донского атамана А.В. Самсонова.

Ключевые слова: образ казака, образ казачества, правительственная политика по отношению к казачьим войскам, П.Н. Краснов, «Картины былого Тихого Дона».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)